

Кашенин. правда 1984, 1985

НОЧЬЮ, когда Изяслав уже спал и тихий плес Горыни отливала серебром под яркой луной, я вновь пришел к райкому.

Райком в этом домике был полвека назад. Мемориальная доска у входа называет имя секретаря райкома комсомола того времени — Николай Островский.

Откроем роман и найдем место, где Корчагин на Прайонном съезде Советов получает срочный пакет. Прочтем его вместе с Павкой. «Райкомол Берездова. Копия — райкомпарт. Решением бюро губкома товарищ Корчагин отзывается из района в распоряжение губкома для направления на ответственную комсомольскую работу». Ответственная работа была здесь, в Изяславе. В конце мая 1924 года с мандатом Шепетовско-

просуществовало до массовой коллективизации, сейчас это колхоз имени Калинина, хозяйство в районе крепкое и богатое.

Старожилы помнят, как в бывшем поместье князя Сангушко был шумный праздник, как чествовали первых ударников коллективного труда.

Старожилы тогда были подростками, выступал ли Островский на митинге, не упоминали. Но главное, что праздник, организованный им, светит из тех далеких лет до сих пор. С председателем артели В. С. Петровским мы обошли места, где жили коммунары, где был хозяйственный двор. Потом пошли во Дворец культуры, где размещается музей села. Там готовилась новая экспозиция о Николае Островском. В соседней комнате с музеем ребята осваивали

Д Н И, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ

НАЗВАТЬ БУДНЯМИ

го окружкома Островский прибыл сюда как райорганизатор КСМ. Он работал в районе 3 месяца.

Ему тогда было 20 лет, и нет нужды рассказывать, как он их прожил. Здесь, в пограничном районе, где еще гуляли банды и ходили через границу контрабандисты, ему нужно было наладить работу комсомольских ячеек. Нужно было сделать то, что он уже сделал в другом пограничном районе — Берездове.

Островский жил в этом здании. Райком был ему домом в прямом смысле. В тесной комнатке стояли два топчана с соломенными матрацами, стол, этажерка. Иван Михайлович Юрин, деливший с ним кров, вспоминает, что Николай ложился далеко за полночь, поднимался на рассвете. Ежедневно читал — осваивал «Капитал». Ноги в то время ему уже служили плохо, ходил он с палочкой.

Рядом с Изяславом лежит город его отчаянной юности — Шепетовка, где в тихую погоду можно услышать, как перекликаются на магистралях тепловозы. Недалеко отсюда течет и речка его детства — тихая Вилия. Можно было бы сказать, что после фронтов гражданской, ранений и жестоких болезней он вернулся к мирному труду в родные места. Но этот мирный труд был не менее тяжок, чем кавалерийские атаки.

В то время в районе были четыре комсомольские ячейки, около 60 членов и кандидатов в члены КСМ. Через два месяца непрерывной работы Островский в политическом отчете характеризовал организацию так: «Организация молодая, политически малограмотная. Организационная работа окончательно оформлена. Тяга в КСМ есть большая. Необходимо создать ячейку в Дворце... Констатируются первые шаги к плановой политпросветработе...

Более энергичной работе мешало мое здоровье».

Справедливости ради нужно сказать, что больше всего о работе Николая Островского в Изяславе я узнал не в райкоме комсомола и не в музее, а у директора Мякотинской средней школы Петра Надуваного. Собирая он сведения по крупницам несколько лет. Ворошил давние архивы, искал соратников Николая Алексеевича. Он же посоветовал мне поехать в Белгородку, отдаленное село, где летом 1924 года секретарь райкома был уполномоченным. В одном из отчетов Островский писал, что побывал в Белгородке 11 раз.

Мы ехали в Белгородку машиной 45 минут, и можно представить, сколько времени уходило на эти поездки в двадцать четвертом. Но в Белгородку нужно было ездить. В этом большом селе ячейка работала слабо. И еще. Райком партии поручил комсомолу провести в селах района праздник урожая. А в Белгородке как раз вставало на ноги сельскохозяйственное кредитное общество «Заповит Ильича». Общество, кстати,

электрогитары. Я вспомнил строки документа: райком просил командование полка красных казаков откомандировать на праздник урожая оркестр...

Дальше, за Белгородкой, есть село Дворец, то самое, о котором упоминает Островский в политотчете. В нем сохранилась мельница, на которую райком послал работать члена бюро Изяславской ячейки КСМ Галецкого для укрепления белгородской организации. Во Дворце проводили митинги, ставили концерты. Когда Островский уезжал из района, в селе уже было 19 комсомольцев. В характеристике, выданной ему бюро райкома партии, недаром отмечалось, что «проявлял умение подбирать работников и руководить ими». Но он не только руководил. Он учил и помогал. Вот пример. В селе Плужное, где было всего 9 человек комсомольцев, Островский побывал три раза. Он писал: «Секретарь ячейки справляется с работой, способный парень. Имел уклоны, но после съездов отбросил идею создания различных кружков и работу проводит в ячейке. Парень находится в тяжелом материальном положении...»

И еще одно свидетельство комсомольца с 1924 года, Л. Панчука:

— Летом 1924 года в Изяславе была комсомольская конференция. Мы пришли на нее пешком, одетые кто во что, босые. После конференции Николай долго беседовал с нами, а потом пригласил в столовую пообедать. Нам неудобно было идти туда в таком наряде. Он сказал: стыдиться нечего, сапоги — дело наживное. Скоро будем и сытыми, и одетыми. А уж как скоро — это зависит от нас...

Он жил жадно. Он находил время возиться с детдомовскими ребятами, маршировать по улицам Изяслава с первым пионерским отрядом, руководить двумя политкружками, проводить митинги, организовывать «комсу» на занятия по допризывной подготовке, бывать в сельских ячейках. В августе его приняли в члены партии. Островский хотел сделать в районе еще так много, но здоровье было все хуже. 23 августа он уехал на лечение...

Я сижу на крыльце с витыми чугунными перилами и думаю, что иному на то, что он сделал за 3 месяца, потребовались бы годы. Эти месяцы в его биографии вылились в одну строку: «...Вел руководящую комсомольскую работу в районном и окружном масштабе». Для него это была просто работа, и он делал ее, как и все в жизни. Помните, что сказал писатель о работе Корчагина в железнодорожных мастерских: «Шли дни. Их нельзя было назвать буднями». Эти слова можно поставить эпиграфом к каждому дню его жизни.

Л. КАПЕЛЮШНЫЙ.

Изяслав,
Хмельницкая область.